

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ СИБИРСКИХ ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ» во второй половине XVII в. Статья первая

О существовании на территории Сибири во второй половине XVII в. полков «нового строя», аналогичных частям, расквартированным в Европейской России, есть упоминания в ряде работ С. В. Бахрушина, Н. И. Никитина, В. Д. Пузанова¹. Названными авторами исследованы основные вехи в истории этих соединений и происходившие с ними организационные изменения. Однако до сих пор остается не изученным вопрос о происхождении и социальной принадлежности основного числа людей, несших службу в сибирских войсках «нового строя». В особенности это касается личного состава рядовых рейтар, солдат и драгун, поскольку офицерский корпус этих войск уже становился предметом исторического исследования². А между тем вопрос этот имеет первостепенное значение для выяснения причин той эволюции, которую войска «нового строя» в Сибири претерпели на протяжении нескольких десятилетий своего существования, равно как и для анализа того влияния, которое служба в них оказывала на карьеру представителей различных групп сибирского служилого сословия. Не менее важным представляется и сравнение качественных показателей интересующих нас частей с полками «нового строя», формировавшимися в европейской части страны, выявление специфических особенностей, присущих именно сибирским полкам. Попытке восполнить этот пробел и посвящена данная статья.

В 1659 г. новый тобольский воевода кн. И. А. Хилков, отправляясь в «сибирскую столицу», получил царский наказ, в котором наряду с набором стандартных наставлений содержалось указание сформировать из служилых людей городов Тобольского разряда два полка – рейтарский и солдатский. В докладе 1677 г. дьяка Сибирского приказа Л. Ермолаева, посвященного истории служб «регулярных» войск, об этом событии упоминалось следующим образом: «Велено в Тоболску и Тоболского розряду в городех... устроить из детей боярских и из литвы полк рейтар тыся-

чу человек, да ис казачьих детей и из вольных гулящих людей прибрать полк салдат тысячу ж человек»³. Однако сделать это вновь назначенному тобольскому воеводе удалось далеко не сразу. В результате предпринятых Хилковым усилий к весне 1660 г. в войсках насчитывалось 600 рейтар и 615 солдат⁴, т. е. менее двух третей от штатной численности обоих полков. Планы оказались невыполненными. В чем заключалась причина этого?

В наказе воеводе было четко обозначено, кого именно следует брать на службу: «Устроить из детей боярских и из литвы полк рейтар... да ис казачьих детей и из вольных гулящих людей прибрать полк салдат...»⁵. Таким образом, отсюда следует, что значительной части служилого населения Тобольска набор вообще не должен был коснуться. Прежде всего, это относилось к казакам, как конным, так и пешим (брать собирались только их детей), стрельцам и служилым татарам. Однако результаты первого набора сразу же показали, что указанные ограничения слишком сузили его возможности, поскольку отмеченные в наказе категории тобольских служилых людей не были настолько многочисленны.

Ограничения эти имели, конечно, свои причины. Рейтары XVII в. были кавалеристами, что в России того времени автоматически придавало им статус привилегированных частей армии. В условиях Сибири, а особенно на ее южных границах, где постоянно приходилось вести борьбу с соседствующими кочевыми племенами, именно кавалерия приобретала первостепенное значение. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в рейтары набирали лишь из детей боярских и из «литвы», так как представители именно этих категорий сибирских служилых людей занимали высшие позиции в иерархии местных гарнизонов как по своему социальному статусу, так и по размерам окладов жалования⁶. Правительство пошло здесь на применение старого способа, действовавшего еще в отношении поместной дворянской конницы, а именно: кавалеристы

обеспечивают себя лошадьми, боевыми доспехами и оружием сами, на те деньги, которые они получают из государственной казны. Поэтому в кавалерию могли попасть только те из служилых людей, которые были вполне обеспечены деньгами. В Сибири, соответственно, претендовать на это могли только представители двух вышеупомянутых категорий.

Правда, эффективным такой подход оказался лишь теоретически. Такого количества детей боярских и «литвы», чтобы составить из них целый полк рейтар, просто не было даже во всех городах на территории Тобольского разряда. Общая численность гарнизона служилых людей Тобольска, скажем, в 1650 г., составляла 1 199 человек⁷, и вряд ли могла значительно возрасти за истекшие 8–10 лет. Конечно, можно возразить, что набор должен был охватить и другие города на территории Тобольского разряда (Тюмень, Тару, Туринск), но даже при этом пришлось бы переводить в рейтары из тамошних служилых людей практически всех представителей этих, кстати сказать, довольно немногочисленных групп населения. Да и численность казаков, как конных, так и пеших, не позволяла набрать целый солдатский полк из одних лишь казачьих детей, даже с привлечением «вольных гулящих людей». Здесь, видимо, сыграла свою роль неосведомленность правительства о реальном положении дел в Тобольске, что и привело к преувеличенной оценке им людских ресурсов местного служилого населения.

Впрочем, и на территории Европейской России установленные правительством рамки для процесса комплектования войск «нового строя» соблюдались далеко не всегда. Скажем, рейтарские полки изначально комплектовались из дворян и детей боярских, получавших за свою службу в этих войсках поместное и денежное жалование. Для исправного несения службы к ним приписывались так называемые «подъемщики». Подъемщик «обязан был обрабатывать землю, оставшуюся за рейтаром, и поднимать его на службу, т. е. оказывать помощь деньгами, продовольствием, снаряжением и т. п.»⁸, позволяя, таким образом, рейтару нести постоянную службу как в военное, так и в мирное время. Однако военные потребности заставляли отступать от этих правил. Как раз в годы русско-польской войны в рейтары стали верстать также и казаков, даточных людей и др. По данным А. В. Чернова, например, «в северо-западных городах три четверти рейтар было укомплектовано из тяглых и приборных служилых людей»⁹. Кроме того, именно в эти годы перевод из состава конных сотен полковой службы в рейтары, особенно на южной

границе европейской части страны, приобрел массовый характер. Так, в 1659–1660 гг. были записаны в рейтары более 2 тыс. дворян и детей боярских из городов, расположенных по Белгородской черте укреплений¹⁰. Процедура записи в полк сибирских рейтар, таким образом, не имела никаких принципиальных отличий от аналогичных мероприятий, осуществлявшихся в то же время и в других регионах страны.

Несколько иную картину мы наблюдаем в отношении комплектования солдатских полков. Прежде всего, необходимо отметить, что в ходе этого процесса применялись как минимум два способа. На северо-западных границах России наборы в эти войска производились с определенного числа крестьянских дворов или количества тяглого населения. В мирное время часть солдат распускалась по домам, а часть оставалась на пограничной службе. Солдатам, находившимся на службе постоянно, правительство выдавало денежное (так называемые «кормовые деньги», по 6–7 денег на день) и хлебное жалование или же поселяло их на землю¹¹. Здесь мы наблюдаем прообраз наборов «даточных людей» в солдатскую службу, проводившихся в общегосударственном масштабе на протяжении 1658–1660 гг.

Однако в южных пограничных городах дело обстояло иначе. Там солдатские полки комплектовались представителями местного служилого населения, но не теми из них, кто уже находился на военной службе, а их детьми, братьями и другими родственниками мужского пола, годными «к службе и к солдатскому учению». Первый подобный набор был проведен еще в 1653 г., причем нормы для него были установлены высокие – 50 % от общего количества не находящихся на службе мужчин. По его итогам в Белгороде и окрестностях были сформированы четыре солдатских полка общей численностью чуть менее 7 тыс. человек. Эти солдаты не наделялись землей, а вместо жалования получали лишь «кормовые деньги». Никаких ограничений срока службы для них установлено не было¹². В последующие годы эти полки в составе армии В. Б. Шереметева были отправлены на Украину и участвовали в сражениях с польской армией. Впрочем, этот случай представлял собой скорее исключение, нежели правило, поэтому нельзя не согласиться с выводом о том, что «наборы в солдатскую службу... были местным мероприятием, связанным, прежде всего, с обороной границ»¹³. Именно этот второй способ, как видим, правительство было

намерено использовать и для комплектования солдатского полка в Тобольске.

Как уже отмечалось, у тобольских властей в принципе не было возможности с самого начала выдержать «социальный» принцип при комплектовании полков, очень быстро от него отказалось и правительство. В результате социальный состав обоих полков неизбежно должен был получиться гораздо более пестрым, чем предполагалось. Под термином «социальный состав» мы в данном случае подразумеваем прежде всего то, представители каких категорий сибирских служилых людей преимущественно входили в состав рейтарского и солдатского полка. Правда, сделать обстоятельные статистические выкладки на этот счет источники не дают особой возможности. В нашем распоряжении имеется, впрочем, составленный в 1678 г. именной список тобольских рейтар, набранных в 1660 г., с указанием их происхождения, данные которого способны до некоторой степени прояснить картину набора¹⁴.

Список этот включает в себя имена 163 человек. На момент его составления все они еще продолжали службу в рейтарах. Большинство из них (126 человек) – это дети «литвы», конных и «новокрещеных» казаков. Кроме того, в нем присутствуют 14 отпрысков тобольских детей боярских, 11 детей пеших казаков и даже 9 детей пашенных крестьян. Из людей, уже несших службу до поступления в рейтары, здесь названы лишь трое казаков «литовского списка». Разумеется, следует учитывать, что данный список представляет собой только часть, а отнюдь не все целое, и по нему одному нельзя составить полной картины наборов. Однако сведения, содержащиеся в нем, на наш взгляд, достаточно показательны и свидетельствуют о заметных отступлениях от первоначальных планов, на которые вынуждены были пойти в процессе формирования новых войск сибирские власти. Впрочем, было бы ошибочно утверждать и то, что в ходе этого процесса вообще не придерживались каких-либо критериев. В частности, это подтверждают данные другого списка, в котором перечислены служилые люди Тюмени, в 1660 г. поверстанные на службу в оба тобольских полка¹⁵. Здесь мы находим троих детей боярских, а также 76 конных и 15 пеших казаков. Распределены они были также в соответствии со своей прежней службой: дети боярские и конные казаки оказались записанными в рейтары, а пешие казаки – в солдаты. Таким образом, утверждать, что от первоначальных ограничений в процессе наборов отказались совершенно, было бы неправомерным.

К сожалению, значительно меньшим объемом сведений мы располагаем применительно к составу солдатского полка. Тем не менее можно утверждать, что и там, помимо казачьих детей, присутствовали дети и других служилых людей, а также стрельцов, крестьян и посадских. Еще с 1630-х гг., когда численность служилого населения Сибири достигла нескольких тысяч человек, во всех царских указах и грамотах строго подчеркивалась недопустимость верстания на службу выходцев «из тягла», а от воевод требовалось неослабное внимание к тому, чтобы этот принцип строго соблюдался. Однако вплоть до 1680-х гг. сибирские воеводы не слишком заботились об этом, поскольку потребности сибирских городов в военной силе постоянно оставались выше, чем возможность их удовлетворения без помощи «тяглых людей». Вот почему достаточно обычной практикой была запись «в службу» детей пашенных и оброчных крестьян, ямских охотников, посадских людей. Проводившиеся время от времени разборы и розыски ситуации не меняли. Только с 80-х гг. XVII в. положение меняется, и состав служилого населения Сибири действительно начинают очищать от выходцев «из тягла»¹⁶.

В целом на основании всех известных данных мы можем констатировать, что набор в рейтары охватил детей боярских, «литву» и конных казаков, а также их детей и родственников. В солдаты же попала часть пеших казаков и их детей, дети стрельцов (их отцы продолжали службу в своем прежнем статусе), крестьян и посадских, а также «вольные гулящие люди». Результаты дополнительных усилий тобольских воевод Хилкова и его «товарища» Д. Яковлева по комплектованию полков отражены в их отписке от 25 сентября 1661 г. Согласно ей, за истекший год численность рейтар удалась довести до 786 человек, солдат – до 900 человек¹⁷. Это был тот максимум, который в последующие годы так и не удалось превзойти. Правда, в той же отписке воеводы обнадеживали, что «достальных рейтар и салдат прибирают», но на самом деле после 1661 г. наборы были, видимо, прекращены по причине истощения людских ресурсов. По крайней мере, к 1667 г. численность войск даже несколько сократилась: рейтар до 696, а солдат до 844 человек¹⁸. В принципе соединения обоих тобольских полков по своему составу почти не отличались от аналогичных формирований на границах европейской части страны. Впрочем, это не вызывает удивления, с учетом того, что для подобных соединений на всей территории Русского государства применялись в те годы одни и те же

способы их организации, справедливо охарактеризованные Ф. И. Калинычевым как «местные периодические наборы, проводившиеся на своеобразных началах. Это была территориальная система комплектования»¹⁹.

Реформа тобольского воеводы стольника П. И. Годунова в 1667–1669 гг. открыла собой следующий этап истории сибирских войск «нового строя». Он упразднил весь солдатский и большую часть рейтарского полка, организовав вместо них полк драгун²⁰. Однако уже после его отъезда из Тобольска в 1670 г. была произведена ревизия, которая продемонстрировала состояние дел по итогам годуновской военной реформы. Результаты ревизии показали, что большинство заявленных планов были выполнены лишь отчасти, а некоторые и вовсе полностью провалились²¹.

В штатное число 1 200 драгун удалось набрать всего 730 человек, да сохранились три роты рейтар общей численностью 398 человек (в том числе 14 офицеров и 24 музыканта ротных оркестров). Более того, выяснились довольно интересные вещи. Оказалось, что рядовых рейтар и солдат среди попавших в драгуны, вопреки заявленным планам Годунова, было ничтожно мало. Например, из 696 рейтар свой статус сохранили только 360 человек, которые составили три роты; 171 человека исключили из рейтарской службы, в том числе 52 человека попали в дети боярские, 38 – в «литовский список», 23 – в конные казаки, 16 – в «кречатьи помыкальщики», а 18 человек были посланы в Красноярск и Илимск²². Можно предположить, что все эти рейтары просто вернулись в состав соответствующих групп служилых людей, из которых в свое время они были взяты в рейтарский полк. Впрочем, нами был выявлен также ряд случаев, когда это правило не соблюдалось. Так, в состав детей боярских Годуновым было зачислено более десятка людей, до своей службы в рейтарском полку числившихся по другим категориям («литва», конные казаки) или же вообще нигде не служивших (сыновья тобольских детей боярских)²³. О судьбе еще 93 рейтар в материалах ревизии вообще ничего не говорилось, но совершенно точно известно, что в драгуны они не попали. Из солдатского же полка в драгуны было зачислено всего 44 человека. Остальные опять-таки вернулись в прежние чины или были поверстаны в служилые люди («в отцово место»). Из них одна часть (144 человека) оказалась в тобольских пеших казаках, другие же были разосланы по разным сибирским городам (например, в Красноярск было послано 169 человек)²⁴.

Драгунский же полк, как показала ревизия, комплектовался преимущественно людьми, не имевшими до этого никакого отношения к войскам «нового строя»: беломестными казаками (250 человек – из тобольских слобод, 72 – из слобод Верхотурского уезда), крестьянскими «детьми, братьями и племянниками» (193 человека), «гулящими людьми» (91 человек) и даже ссыльными (80 человек)²⁵. Из 730 человек, набранных при Годунове, теперь на службе осталось лишь чуть более 400, остальные сбежали²⁶. И хотя новый тобольский воевода кн. И. Б. Репнин предпринял некоторые меры для восстановления нужной численности драгунского контингента, их результаты были малоуспешны²⁷. Летом 1670 г. тобольский письменный голова С. Блудов был послан в объезд «для переписки всяких чинов охочих людей в драгуны», которых набралось 579 человек, но поверстать их в драгуны своей властью воевода не решился, поскольку среди отобранных кандидатов в подавляющем большинстве преобладали посадские люди и их дети, а также дети крестьян, что, естественно, не укладывалось в уже взятый правительством курс на очистку сибирского служилого сословия от выходцев «из тягла». Что касается бывших солдат, попавших в стрельцы и пешие казаки, как еще одного возможного источника пополнения, то и здесь кн. Репнин не стал ничего менять в принятых ранее решениях, «чтоб стрельцов и казаков не умалить». В тобольском перечневом списке 1672 г. численность драгун определена в 524 человека, т. е. пополнение, как видим, оказалось весьма незначительным²⁸.

Таким образом, произошло практически полное обновление личного состава основного контингента сибирских войск «нового строя». Но пошло ли это на пользу «регулярному полку»? Ответ, конечно же, будет отрицательным. Во-первых, вновь набранные драгуны явно не были знакомы с принципами регулярного строя, да и вообще с военным делом (даже беломестные казаки были более крестьянами, чем служилыми людьми)²⁹. Во-вторых, обучать их военным «экзерцициям» явно не собирались. Почти всех офицеров-иностранцев, несших здесь службу в прежние годы, Годунов сразу же после своего прибытия в Тобольск отправил в Москву. Оставшийся здесь полковник У. Сниттер, который должен был выполнять роль инструктора как для рядовых, так и для офицеров, в одиночку справиться с такой задачей, разумеется, не мог. Наконец, в-третьих, бывших рейтар и солдат, обладавших хоть каким-то боевым опытом и военными навыками, в полку оказалось со-

всем немного. Все это не позволяет относить сибирских драгун к соединениям регулярных войск. Конечно, и в Европейской России драгунские полки комплектовались, главным образом, из крестьян, но к ним все-таки посылали для обучения русских начальных людей и оружие (карабины и шпаги)³⁰. В Сибири же ничего подобного мы не наблюдаем. Приступая к формированию полка драгун, Годунов совершенно не озаботился вопросами надлежащей организации его внутренней структуры, а также возможности повседневного выполнения им функций, свойственных армейским частям. Это обстоятельство сыграет важную роль в его дальнейшей судьбе.

Материал поступил в редколлегию 02.12.2005

¹ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Науч. тр.: В 4 т. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 277–279; Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 38–39; Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья (50-е гг. XVII – 20-е гг. XVIII вв.) // Зауралье в панораме веков: Межвуз. сб. науч. тр. Курган, 2000. С. 50–75.

² Зуев А. С. Дело о полке Эгерата (к вопросу об организации в Сибири в 1660-х гг. полков «нового строя») // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века. Бахрушинские чтения 1996 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 11–20; Дмитриев А. В. «Посланы с Москвы в Сибирь начальные люди для ученья...»: Офицерский корпус сибирских войск «нового строя» во второй половине XVII в. // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2003. Т. 2. Вып. 2: История. С. 93–100.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 100. Л. 1. На этом известии основаны и все упоминания о формировании в Сибири войск «нового строя». См., напр.: Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. С. 100, 161, 205, 270–271, 326, 349, 373; Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1895. Т. 3. Ч. 5–6: Записки, к сибирской истории служащие. С. 136–137; Шишонко В. Н. Пермская летопись, 1263–1881. Пермь, 1884. Т. 3. С. 488; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032–1882 гг. (Иркутск, 1883). Сургут, 1993. С. 83; Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири. СПб., 1889. Ч. 1. С. 159.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 100. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ См.: Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 110–113.

⁷ Там же. С. 29.

⁸ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 147.

⁹ Там же. С. 146.

¹⁰ Об этом см.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 153–157.

¹¹ См.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 143–144.

¹² Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 145–147.

¹³ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 144.

¹⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 480. Ч. 1. Д. 1. Л. 137–142.

¹⁵ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 794. Л. 77–79.

¹⁶ См.: Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 75–76.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 100. Л. 8.

¹⁸ Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1901. С. 109.

¹⁹ Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 69. Далее он отмечал, что «полки нового строя... примерно на той же основе начали формироваться в это время также в Сибири». Одна особенность все же заслуживает внимания: если в других регионах страны какую-то часть среди рейтар и солдат составляли дворяне, то в Сибири «единственной социальной группой служилого населения становилось приборное войско... Приборным служилым людям с их социальной организацией местная администрация не могла противопоставить никакой иной вооруженной силы» (Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 19–20).

²⁰ См. об этом: Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда... С. 273–296.

²¹ См.: Дмитриев А. В. Формирование регулярных полков и изменения в структуре служилого населения Сибири в 60-х гг. XVII в. (по материалам Тобольска) // Тр. XXXVIII Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс», посв. 100-летию со дня рождения основателя Сиб. отделения РАН акад. М. А. Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 93–94.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 100. Л. 34.

²³ Там же. Ф. 199. Оп. 2. № 480. Ч. 1. Д. 1. Л. 12–71.

²⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 100. Л. 40, 129–130.

²⁵ Там же. Л. 39–40, 128–129.

²⁶ Там же. Л. 119–144.

²⁷ См.: Дмитриев А. В. Материальное положение и служебный статус полков «нового строя» в Сибири во второй половине XVII в. // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 37–38.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 568. Л. 3; Оп. 3. Стб. 100. Л. 84–85.

²⁹ О беломестных казаках см., напр.: Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993. С. 52–58; Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. С. 157–159.

³⁰ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства... С. 139–140; Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 132–133.